

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

*Война — явление,
противное природе
человека. Во время
войны позволено все —
убийства, грабежи,
насилие, ложь, обман.
Именно так
происходит возвращение
грехов.*

Чингиз Абдуллаев

Возвращение
грехов

ЭКСМО

Дронго

Чингиз Абдуллаев
Взращение грехов

«PEN-клуб»

2008

Абдуллаев Ч. А.

Взращение грехов / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2008 — (Дронго)

Известный эксперт-аналитик Дронго всегда сомневается в том случае, когда улики, указывающие на подозреваемого, уж слишком явные. Не верит он тому, что сразу бросается в глаза. Так и в этот раз. Все указывает на то, что бизнесмен Тевзадзе убил заместителя начальника уголовного розыска Проталина: он находился в квартире убитого, когда приехала милиция, на пистолете – отпечатки его пальцев, да и на допросе подозреваемый сознался в содеянном. Но Дронго уверен, что Тевзадзе милицейского начальника не убивал, а совершил преступление кто-то другой. И оказался прав...

© Абдуллаев Ч. А., 2008

© PEN-клуб, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Чингиз Абдуллаев

Взращение грехов

В нашем деле не может быть друзей наполовину. Друг наполовину – это всегда наполовину враг.

«Трудно быть Богом». А. Стругацкий, Б. Стругацкий

Мое дело, кажется, безнадежно! Я еще не встречал человека, который осудил бы себя сам, осознавая свою вину.

«Беседы и суждения». Конфуций

Глава 1

Телефонный звонок мог прозвучать в любое время суток. Но почти сразу включался автоответчик, и позвонивший мог записать свою просьбу или сообщить свой номер телефона, чтобы ему перезвонили. Обычно перезванивал либо Эдгар Вейдеманис, либо Леонид Кружков, которым он абсолютно доверял. В последнее время многие обращались с какими-то непонятными или безумными просьбами. Одна пара, совершающая круиз на теплоходе вокруг Европы, потеряла кольца. Супруга не была уверена, что кольцо не выпало во время купания в море. Но найти исчезнувшее полгода назад кольцо предлагали Дронго. Или расследовать обстоятельства побега дочери с неизвестным актером, с которым она жила все последние месяцы. Нужно было узнать о репутации актера и его дальнейших намерениях в отношении своей пассии. Разумеется, от таких дел он неизменно отказывался. Иногда репутация даже вредит, когда слишком раздутая слава и сплетни превращают обычного человека в некий символ.

Он поднял голову, услышав телефонный звонок. Взглянул на часы. Было около семи часов вечера. За окном накрапывал дождь. Он подумал о том, что нужно взять билет и улететь либо в Рим, либо в Баку. Когда в Москве начиналась зима, он сразу уезжал из города, перебираясь на юг. Ему физически не хватало солнца и света. Короткие московские дни и длинные холодные ночи были для него слишком суровым испытанием. В последние годы он все больше ловил себя на мысли, что нужно раз и навсегда перебраться в Италию и остаться жить с семьей.

Раздалось еще два звонка, затем включился автоответчик, предложивший звонившему оставить сообщение, и он услышал незнакомый голос.

– Добрый вечер. Извините, что беспокою. Но я с таким трудом нашел номер вашего телефона. Мне нужно срочно с вами встретиться. Когда вы сможете, я перезвоню или приеду, куда вы захотите. Мой телефон... – незнакомец продиктовал номер телефона и затем быстро добавил: – Моя фамилия Славин. Вячеслав Славин. Может, вы забыли. Вы знали моего отца. Владимира Славина. Он погиб в девяносто шестом, возможно, вы его помните...

Дронго быстро снял трубку.

– Здравствуйте, – сказал он, – конечно, я помню вашего отца, хотя прошло уже столько лет. Он умер у меня на руках. Насколько я помню, мы были с ним ровесниками. Я не знал, что у него был взрослый сын...

– Как я рад вас слышать, – обрадовался Славин, – только тогда мне было только четырнадцать. А моему отцу тридцать шесть.

– Да, – помрачнел Дронго, – мы были почти ровесниками. Сколько вам сейчас? Уже двадцать пять?

– Двадцать шестой, – подтвердил Славин, – и я уже четыре года работаю членом Московской коллегии адвокатов.

– Солидно, – заметил Дронго, – у вас уже приличный стаж. А почему не пошли по стопам отца? В МВД или в ФСБ?

– Он тоже закончил юридический факультет университета, – возразил Славин, – но так получилось, что работал сначала в прокуратуре, потом в КГБ и остался там после развала. Хотя мой дед был адвокатом, и отец всегда говорил, что это самая лучшая специальность среди всех юристов. Мой дед меня и воспитал после смерти отца. Он и сейчас жив, ему уже за семьдесят.

– Очень хорошо, – улыбнулся Дронго, – мой отец тоже работал почти сорок лет адвокатом, хотя до этого был даже прокурором города и республики.

– Я знаю вашу биографию, – радостно сообщил Славин, – у нас был преподаватель, который нам много рассказывал о вас. Преподаватель криминалистики Суржицкий, вы наверняка о нем слышали.

– Иногда люди придумывают разные легенды, – недовольно заметил Дронго.

– Это не легенды, – возразил Славин, – я помню, как вы к нам приходили. На поминки. Как разговаривали с моим дедом. Вы тогда рассказали ему, как погиб мой отец.

– Я тоже помню, – мрачно сказал Дронго, – их группу тогда просто подставили. Хотя прошло уже столько лет... Вы хотели со мной встретиться?

– Да. У меня к вам очень важное и необычное дело. Когда вы разрешите, я смогу вам перезвонить, чтобы встретиться.

– Молодой человек, – назидательно произнес Дронго, – вы не просто незнакомый человек, который решил мне позвонить. Вы сын человека, который сражался вместе со мной и погиб у меня на руках. Значит, он был моим боевым товарищем. А вы его сын. Поэтому можете встретиться со мной в любое удобное время, когда захотите.

– Можно, я к вам приеду прямо сейчас? – спросил Славин.

– Можно, – усмехнулся Дронго, – запишите мой адрес.

– Не нужно. Я все знаю.

– Интересно. Откуда у вас столько информации?

– Вы забыли, где работал мой отец. Знаете, сколько друзей у него там осталось? Кроме того, у меня есть свои источники.

– Приезжайте, – разрешил Дронго, – я буду вас ждать.

Он положил трубку. Задумался. Действительно, прошло столько лет. Как молоды они тогда были. Славину было тридцать шесть, ему тридцать семь. Прошло уже одиннадцать лет. Как быстро летит время. Тогда казалось, что мир просто обезумел и все летит в пропасть. И в России, и в Азербайджане. Но постепенно удалось выправить положение в обеих республиках. Постепенно все встало на свои места. Но тогда было так сложно...

Он прошел на кухню, включил чайник. Интересно, зачем он понадобился этому молодому адвокату? Будет интересно увидеть сына Славина через столько лет. Интересно, похож ли он на своего отца или нет.

Через полчаса Вячеслав Славин уже сидел у него на кухне перед чашкой чая. Молодой человек был удивительно похож на своего отца. Такой же светловолосый, голубоглазый, широкоплечий. Может, немного худощавее и черты лица более заострены, но ведь он моложе, чем был отец, когда с ним встретился Дронго.

– Вы для нашего поколения настоящая легенда, – признался Славин, – о ваших феноменальных способностях аналитика рассказывают все криминалисты.

– Оставим в покое мое прошлое, – предложил Дронго, – раз вы пришли сюда, значит, у вас ко мне конкретное дело. Чем я могу вам помочь?

– Только не говорите мне «вы», – попросил Вячеслав, – я ведь моложе вас почти на двадцать пять лет.

– Только на двадцать с небольшим, – заметил Дронго, – делаешь из меня старика. Но ладно, пусть буду на «ты». Судя по твоей настойчивости, у тебя серьезное дело, которое не терпит отлагательства.

– Да, – кивнул Славин, – дело в том, что я как раз сейчас веду одно дело. Уголовное дело по обвинению в умышленном убийстве при отягчающих вину обстоятельствах в Новгороде.

– Серьезное преступление, – сказал Дронго, – итак, в чем проблема?

– Заместитель директора мебельного комбината Ваню Тевзадзе обвиняется в убийстве полковника милиции Степана Проталина, – пояснил Славин, – подозреваемый отказался от адвоката, но по закону ему положен защитник, так как он обвиняется в серьезном преступлении, за которое может получить пожизненное заключение. Поэтому назначили меня.

– Тебя послали в Новгород из Москвы?

– Да, – кивнул Славин.

– Серьезное дело. Кто будет рассматривать дело – суд присяжных?

– Нет, нет. Мы сразу отказались от присяжных. Они гарантированно вынесут обвинительное заключение и посадят его на всю жизнь. Абсолютно точно, даже без судебного рассмотрения. Поэтому мы решили обратиться к профессиональным судьям.

– С этого момента давай подробнее. Почему ты так уверен, что присяжные будут против Тевзадзе? В чем дело?

– Убийство произошло в Новгороде, – пояснил Славин, – и там Проталин был не просто заместителем начальника городской милиции по оперативной работе. Он был живой легендой города и области, человеком, которого знали и уважали в городе почти все его жители. Можно не сомневаться, что любой состав присяжных вынесет обвинительный приговор моему подзащитному.

– Проталин давно работал в Новгороде?

– Больше пятнадцати лет. До этого работал в Калуге. Потом перевелся в Новгород. Поехал вместе с отрядом местного ОМОНа в Чечню. Возможно, вы слышали об этом нашумевшем деле. Во время первой чеченской войны новгородский отряд ОМОНа попал в засаду. Из сорока двух человек выжили только трое. Все остальные погибли. Среди этих троих был и Проталин, который вместе с товарищами отстреливался до последнего. А потом вынес раненого товарища на руках с поля боя. Получил орден, повышение по службе, сам был ранен. В общем, он повел себя там как настоящий герой. И уже столько лет он работал в Новгороде. Все считали, что он станет руководителем городской милиции, заменив уходящего на пенсию Мохова. Но случилось то, что случилось, и он погиб.

– С Проталиным все понятно. А вот Тевзадзе? Кто он такой?

– Дважды судимый заместитель директора комбината по хозяйственной части, – ответил Вячеслав, – работает в Новгороде уже шестой год, переехал сюда из Грузии.

– Судимости у него были в Грузии или в России?

– Ему пятьдесят два. Первая была еще в Советском Союзе, когда его обвинили в хищениях социалистической собственности. Дали шесть лет, четыре он отсидел. Потом, уже в России, в начале девяностого получил восемь лет за мошенничество в особо крупных размерах. Формально тогда еще был Советский Союз, но фактически Грузия уже в то время провозгласила свою независимость, хотя гражданство еще было общее. В девяносто втором его депортировали на родину, в девяносто четвертом он вышел на свободу.

– Судя по твоему рассказу, он скорее специализируется по хозяйственным преступлениям, чем на убийствах офицеров милиции. Человек он опытный, имел две судимости и два срока. Наверняка понимает, что ему будет за убийство полковника, тем более за убийство такого человека, как Проталин. И тем не менее он его убивает. Так, уже становится интересно. И как произошло убийство?

– На улице Спиридонова. На первом этаже. Там была двухкомнатная квартира, которую сотрудники уголовного розыска обычно использовали для различного рода встреч. Это довольно глухое место, хотя дом имеет проходной двор. Проталин ждал в квартире Тевзадзе. Тот появился где-то около трех. Вошел в дом. Как раз в это время там появились две соседки, которые увидели, как он входит в дом и поднимается в квартиру на первом этаже. Потом раздалось два выстрела. Одна соседка выбежала на улицу и позвала на помощь, увидев проходившую мимо машину милиции. Вторая осталась у дома. Сотрудники милиции сразу вошли в дом и обнаружили убитого Проталина. Из его пистолета дважды стреляли. Оружие валялось на полу, на нем были отпечатки пальцев Тевзадзе. Все было ясно. Они его даже избили, в таком состоянии были сотрудники милиции, увидев убитым своего начальника.

– Ясно, – мрачно кивнул Дронго, – что еще?

– Вины своей Тевзадзе не признал. Категорически. И от защиты отказался. Его сильно «прессовали». Можете себе представить. И в какой-то момент он просто сломался. Взял вину на себя. И замкнулся. Больше не хотел ни с кем разговаривать. Вот тогда меня к нему и назначили. Дело в том, что все местные адвокаты в полном составе решили отказаться от защиты такого человека, как Тевзадзе. Пришлось приглашать адвоката из Москвы. Я живу в местной гостинице, и можете себе представить, как ко мне относятся люди, когда узнают, что я буду защищать убийцу Проталина.

– А вы считаете, что он невиновен?

– Считаю, – кивнул Славин, – нет, даже не так. Я убежден, что он не виноват в убийстве полковника Проталина. Но у меня нет никаких фактов. А все, что у нас есть, как раз свидетельствует против него.

– Интересно. А почему они встречались на этой квартире с Проталиным? Есть какие-нибудь объяснения?

– Есть, конечно. Но их не разрешат озвучивать в суде. И вообще не будут задавать вопросов на эту тему. Проталин был заместителем по оперативной работе, – еще раз напомнил Славин, – а Тевзадзе...

– ...был его агентом, – понял Дронго, – тут все понятно. Дважды судимый грузин, который появляется в городе и снова устраивается на хозяйственную работу. Им нужна была его информация, и они его завербовали в качестве агента, о котором никто и никогда не говорит. Считается, что агенты и осведомители бывают лишь у разведчиков. Да и то только в кино. А говорить о том, что в реальной жизни сотрудники милиции и ФСБ должны работать, опираясь на широкую сеть своей агентуры, просто нельзя. Все сведения такого рода секретные. И, конечно, никто не должен знать, что большинство уголовных преступлений раскрывается как раз с помощью агентуры и осведомителей.

– Об этом все знают, но стараются нигде не говорить, – согласился Славин. – Тевзадзе действительно был завербованным агентом и давал информацию. У них на мебельном комбинате работает большинство освободившихся из заключения людей, среди которых есть и такие, кто имеет не одну судимость. Очевидно, эти люди интересовали Проталина и его сотрудников. Но Проталин сам редко выходил на связь с агентами. Он был известным человеком и к тому же занимал такую высокую должность. Но с Тевзадзе он встречался лично. Очевидно, ему нужна была эта информация.

– В квартире есть второй выход?

– Нет. Только три этажа. Старый дом. Люк на крышу был закрыт, сотрудники милиции сразу все проверили.

– Значит, свидетели видели, как Проталин и Тевзадзе вошли в дом?

– Нет. Они видели, как туда вошел Тевзадзе. Пройдя мимо них. И почти сразу раздалось два выстрела. Одна соседка осталась во дворе, прямо у входа в подъезд, а другая выбежала на улицу и как раз в этот момент увидела машину милиции. После выстрелов прошло не больше

двух-трех минут. Может, и того меньше. Сотрудники милиции ворвались в квартиру и обнаружили убитого Проталина. Пистолет валялся на полу. Его пистолет. Эксперты установили, что из оружия стреляли два раза. В теле убитого нашли пулю. Вторая была в стене. Ее тоже нашли. Вот, собственно, и все.

– И вторая женщина за эти две минуты не отходила от подъезда? Может, она испугалась и побежала за первой?

– В том-то и дело. Она не могла так быстро сбежать. Это пожилая женщина, которая передвигается с помощью трости. У нее больные ноги. И поэтому она стояла у дома и ждала свою подругу. Я лично с ней разговаривал. Она стояла там сразу после выстрелов и никуда не уходила.

– Тогда давай подведем некоторые итоги, – предложил Дронго, – значит, Проталин уже ждал своего агента на конспиративной квартире. Тевзадзе прошел мимо женщин, вошел в дом, и сразу раздались выстрелы. Два выстрела, одним из которых был убит Проталин. Вторым выстрел попал в стену, и эксперты доказали, что стреляли именно из оружия полковника Проталина. Верно? У Тевзадзе не было своего оружия?

– Не было, – подтвердил Славин.

– Через две минуты там появились сотрудники милиции, которые выяснили, что в квартире находятся двое. Убитый и убийца. И пистолет на полу. Чьи отпечатки пальцев там были?

– Только Тевзадзе и Проталина. Чужих не было.

– И его обвиняют в убийстве, – закончил Дронго, – как будто все ясно. И как Тевзадзе объясняет это загадочное убийство?

– Сейчас никак. Он признается в совершении убийства...

– Ну, конечно. Сейчас понятно. Что он говорил в момент своего задержания?

– Уверял всех, что не виновен. Его сильно избили и потом били в камере. Специально посадили к уголовникам и сообщили, что он стукач, осведомитель. Он даже попал в больницу. Но уверял, что он не убивал Проталина. Упрямо настаивал. Потом сломался.

– Во всяком случае, люди с такой биографией не бывают убийцами офицеров милиции, – пробормотал Дронго, – и он не брал на себя признание в подобном преступлении. Предположим, что он говорит правду. Тогда кто стрелял?

– Он говорит, что этого не знает. Когда он еще не вошел в квартиру, то услышал два выстрела. Он вбежал в квартиру, дверь была открыта. На полу лежал убитый Проталин. Напуганный Тевзадзе наклонился, взял оружие. Затем передумал и бросил его на пол. Он уверяет, что пистолет еще дымился. Но в квартире никого не было.

– Возможны варианты. Вдруг убийца выбежал и поднялся по лестнице вверх, спрятавшись в какой-нибудь квартире?

– Сотрудники милиции проверили все квартиры, – вздохнул Славин, – как только они приехали и нашли убитого полковника. Они сразу вызвали сотрудников уголовного розыска, которые буквально обшарили все квартиры наверху. Там убийцы не было. И он не мог спрятаться. В доме в этот момент были только пожилые люди, женщины и дети. Но их все равно проверили.

– Получается, что все факты против Тевзадзе. И тем не менее ты убежден, что он не виноват. Я могу узнать, почему? Сейчас я не спрашиваю о его показаниях. Понятно, что он мог отрицать свою причастность к этому преступлению. Но почему теперь, когда он признается в совершении убийства, ты начал сомневаться? В чем причина?

– Я уверен, что он не совершал этого убийства, – сказал Вячеслав Славин, – и у меня есть очень убедительный довод.

– Какой?

– Супруга Тевзадзе умерла десять лет назад. И он сам воспитывал свою дочь, с которой и переехал в Новгород. Это был смысл его жизни, если хотите. И за три дня до этого убий-

ства дочь Тевзадзе и ее жених подали заявление в загс. Как вы считаете, может любящий отец совершить убийство полковника за несколько недель до свадьбы своей единственной дочери? Он ведь понимал, что именно ему может грозить. И поэтому я не верю в его причастность к преступлению. Кроме того, у меня есть и научное подтверждение его непричастности к этому убийству.

Глава 2

Дронго молча выслушал своего гостя. Ни слова не говоря, поднялся, забрал две пустые чашки. И, не спрашивая Вячеслава, снова налил ему горячего чая. Себе сделал чай теплее, добавив немного холодной воды. Вернулся к столу. Поставил две кружки. Уселся напротив.

– Сильный довод, – задумчиво произнес Дронго, – очень сильный. У девочки нет матери, и отец ее воспитывает в одиночку. А потом узнает о том, что она подала заявление в загс, и убивает полковника милиции, понимая, что не сможет присутствовать на свадьбе своей дочери ни при каких обстоятельствах. Довод убедительный. А если Проталин мешал свадьбе его дочери? Такую возможность ты проверял?

– Нет, – растерялся Славин, – не проверял. Но почему он должен был мешать? Они не были даже знакомы. Я встречался с Ниной, дочерью Тевзадзе. И она уверяла меня, что никогда не слышала о Проталине. И вообще не знала, что ее отец был осведомителем милиции. Ну, на эту тему я старался с ней особо не разговаривать. Нас ведь тоже предупреждают о неразглашении подобных секретов.

– Дважды судимый, согласившийся на сотрудничество с уголовным розыском, ставший их агентом. Он никак не похож на убийцу, – еще раз произнес Дронго, словно размышляя вслух, – такой человек должен четко себе представлять, что именно с ним будет. И самое главное – мотивы? Предположим, что он убил полковника Проталина. Но зачем, почему? Что он говорит?

– Ничего не объясняет. Признается в убийстве. А следователи сдали дело в суд, даже не выяснив мотивы. Весь город словно с ума сошел, все требуют наказать убийцу. Его даже перевели в одиночную камеру, боятся, что убьют прямо до суда.

– Я ему не завидую, – мрачно признался Дронго.

– Вот поэтому я и пришел к вам, – торжествующе сказал Славин. – Мне тоже кажется странным это уголовное дело. Не мог такой человек, как Ваню Тевзадзе, убить Проталина за несколько недель до свадьбы своей дочери. Просто не мог.

– Ты что-то говорил о «научном доказательстве», – вспомнил Дронго, – можно узнать, чем нам помогает в этом деле наука?

– Можно, – кивнул Вячеслав, – я обратился в областное ФСБ. Там у меня работает мой товарищ по факультету – Салават Мусин. Он башкир, получил назначение в Новгород в прошлом году. И ему удалось убедить руководство ФСБ проверить показания Тевзадзе на «детекторе лжи». Теперь вы понимаете, почему я так уверен в том, что мой подзащитный невиновен?

– Нет, не понимаю.

– Мы проверили его на «детекторе лжи» в областном управлении ФСБ, – пояснил Славин, – и аппарат показал, что Тевзадзе говорит правду, когда утверждает, что не убивал Проталина. Мы проверяли трижды. Никаких сомнений. Он говорит правду. Можете себе представить, в каком состоянии я оттуда вышел...

– Что было дальше?

– Нам не поверили. Сказали, что аппарат несовершенен. И никто не может дать абсолютной гарантии. А все улики были против Ваню Тевзадзе. И следователь пришел к выводу, что материалы проверки на «детекторе» он не будет подшивать в дело. Точнее говоря, следователь им просто не поверил.

– А ты поверил?

– Я абсолютно убежден, что он не убивал. Но не могу доказать, что там произошло и куда мог исчезнуть убийца. Окно выходило во двор, и если бы убийца захотел выпрыгнуть в окно, он бы упал прямо на старушку, которая стояла у дома. Но окна были закрыты.

– Проталин был сильным человеком? Сколько ему было лет?

– Сорок два. Он был выше среднего роста, занимался борьбой – самбо, дзюдо. Кажется, был мастером спорта по самбо. Одним словом, человек спортивный, сильный.

– А Тевзадзе?

– Он среднего роста, полноватый. Был полноватый, сейчас сильно похудел. Никогда не занимался спортом.

– И я должен поверить, что этот несчастный грузин, который всегда сидел на хозяйственных преступлениях, сумел отнять оружие у полковника милиции, мастера спорта по самбо, и даже застрелить его?

– Так я об этом и говорю, – кивнул Славин, – вы бы видели этого Тевзадзе. Я тоже все время спрашиваю следователя: как мог мой подзащитный отобрать оружие у такого физически сильного человека, как Проталин? Это же невозможно.

– Что говорит следователь?

– У него своя версия случившегося. Он считает, что Проталин пришел на конспиративную квартиру и положил пистолет на столик. Когда Тевзадзе вошел в квартиру, он схватил оружие и дважды выстрелил в полковника. Первая пуля попала в стену, вторая в грудь полковника. Может, даже наоборот. Дело в том, что вторая пуля попала в стену над дверным косяком. Опять получается неувязка. Если предположить, что Тевзадзе каким-то образом завладел оружием, то тогда получается, что он сначала выстрелил в полковника, а потом, обернувшись, стрельнул в дверь, находившуюся у него за спиной. Глупо. Неправдоподобно. Но следователь говорит, что, возможно, полковник боролся после первого выстрела и умер не сразу. Поэтому второй выстрел пришелся в стену над дверью.

– Все это слишком натянуто, – задумался Дронго, – все эти «возможные версии» не дают истинной картины происшедшего. А Тевзадзе не слышал выстрелов? Не видел никого, кто бы пытался выбежать из квартиры?

– Выстрелы он слышал, поэтому и вбежал в квартиру, как он говорит. Но никого не видел. В комнате был беспорядок, полковник лежал на полу, рядом валялся его пистолет.

– Какой беспорядок?

– Повсюду были разбросанные книги, рядом находился опрокинутый стул.

– Зачем он дотронулся до этого пистолета?

– Говорит, что испугался. Хотел защитить себя и Проталина. Но полковник был уже мертв. Тогда он выбросил пистолет.

– На одежде подозреваемого нашли кровь жертвы?

– Да, – вздохнул Славин, – нашли. Боюсь, что все факты против него. И все-таки я уверен, что он не убивал. И Мусин тоже уверен, но ему в руководстве областного ФСБ посоветовали не заниматься глупостями. Я его понимаю, он офицер, обязан подчиняться. А я процессуально независимая фигура и могу позволить себе привлекать к делу любого эксперта, даже такого известного человека, как вы.

– Надеюсь, ты не думаешь, что я могу поехать с тобой в Новгород? – мрачно осведомился Дронго.

– Я думал, что вам будет интересно... – лукаво заметил Славин.

– Понятно. Ты нарочно заявился ко мне домой, чтобы рассказать об этой математической задаче с одним неизвестным. Если Ваню Тевзадзе не убийца, то куда мог исчезнуть убийца? Через окно он сбежать не мог, спрятаться в квартире, насколько я понял, он тоже не мог. Выходит, что сотрудники милиции плохо искали в других квартирах. Возможно, убийца спрятался именно там.

– Там в блоке есть еще пять квартир, – сообщил Славин, – и я уже несколько раз все проверил. В квартире напротив жила та самая соседка с тростью, которая не может нормально передвигаться. На втором этаже ее подруга с внучкой. Когда они вышли, внучка осталась одна. Ей уже одиннадцать лет. Напротив живет семья из пяти человек. Мать и отец были на работе.

Трое детей в возрасте от пятнадцати до семи лет. На третьем этаже живут две семьи. Отец – пьющий мужчина, он был дома, но спал. Его никак не могли разбудить, в таком состоянии он был. Жены дома не было. Сын-школьник готовил уроки. Утверждает, что отец спал после ночной смены и не вставал. Рядом живет семья, состоящая из пяти человек. Пожилые родители, их сын с супругой и полугодовалая внучка. Сына с женой дома не было, а старики сидели с внучкой. Предположим, что убийца был дедушка из этой квартиры. Но у него прогрессирующая болезнь Паркинсона, и он не смог бы нормально выстрелить. Им обоим уже за семьдесят. Как видите, я знаю наизусть, кто и когда там был. Но ни один из них не подходит на роль убийцы. Я даже попросил участкового рассказать мне о пятнадцатилетнем подростке со второго этажа. Вдруг это он выстрелил в полковника, а затем побежал наверх к себе. Но Тевзадзе должен был обязательно увидеть его, если бы подросток выбегал из квартиры. И услышать его шаги. Но ничего подобного Тевзадзе не видел. А мальчик в школе на хорошем счету, он играет в шахматы, занимается в кружке. Не хулиган, не уличный мальчишка, не наркоман, помогает воспитывать младших – брата и сестру. И родители у него работают на заводе. В общем, нормальная рабочая семья. Такой подросток не мог быть убийцей.

– И больше никого в доме не было?

– Нет. Больше никого. Я же говорю, что проверили все квартиры. И даже разбудили пьяного соседа. Но его сын утверждает, что отец никуда не выходил. Судя по рассказу участкового, этот сосед иногда напивается до чертиков. И в тот день он был как раз в таком невменяемом состоянии. На роль убийцы он явно не тянул.

– Интересная загадка, – согласился Дронго, – убийца прямо-таки исчезает из закрытой квартиры. Если бы ты знал, сколько подобных случаев было в моей жизни! И каждый раз «подобному исчезновению» находилось вполне логичное и разумное объяснение.

– Но я его не сумел найти, – признался Славин, – а у нас через четыре дня начинается судебный процесс. И я боюсь, что участь моего подзащитного уже предрешена. Все улики против него. Он гарантированно получит пожизненное заключение и будет умолять судей не оставлять его в этой области. Или, наоборот, будет просить оставить его здесь. В любом случае – конец одинаковый, и мне даже неприятно говорить об этом.

– Что ты хочешь?

– Чтобы вы мне помогли, – прямо попросил Вячеслав, – я знаю, что вы расследовали и не такие запутанные дела. Знаю, что вы можете найти даже исчезнувшего на глазах у всех убийцу.

– Я не волшебник, Вячеслав. Если все обстоит именно так, как ты рассказал, то ты напрасно поверил в этот «детектор». Некоторым людям удастся обмануть даже «детектор». Такие случаи бывали. И Мусин обязан был тебе об этом сообщить. Возможно, у Тевзадзе были причины для убийства полковника, о которых мы даже не подозреваем. Или он вообще считает, что совершил некий акт мести, и в его подсознании это совсем не убийство. Поэтому он так убежден в своей правоте и не волнуется, когда отвечает на ваши вопросы. Между прочим, я не совсем понимаю, почему полковник должен был лично встречаться со своим агентом. Он мог послать кого-нибудь из офицеров. Боюсь, что не смогу тебе помочь. Это просто не тот случай, когда я должен вмешиваться.

– Я видел его глаза, – выложил свой последний аргумент Славин, – его можно обвинить в чем угодно, но он не убийца. И я верю, что «детектор» сработал правильно. Он невиновен. Он не убивал Проталина.

– Адвокату важно иметь чувство внутренней убежденности, – кивнул Дронго, – и, возможно, это даже хорошо, что тебя еще могут убедить глаза твоего подзащитного. Но я старый циник, Вячеслав, меня трудно переубедить. Ты должен понимать, что я не гожусь для подобных расследований. Уже не гожусь. Возможно, ты прав. Возможно, там произошло нечто такое, чего никто не заметил и не понял. Но такие расследования уже не для меня.

– Вы еще молодой человек, – горячо сказал Славин, – сколько вам? Сорок семь или сорок восемь? А вы говорите так, словно вам уже девяносто. Никогда не поверю, что вы стали старым циником, как вы говорите. Извините, что я вообще так с вами разговариваю. Но для моего поколения вы стали настоящей легендой.

– И, возможно, поэтому я отказываюсь. Чтобы не разочаровывать таких, как ты...

– Вы не можете меня разочаровать, – возразил Вячеслав, – если бы жив был мой отец... если бы он был жив... как вы думаете, он бы мне отказал? Он бы отказал вашему сыну? Вы для нас всех были живым символом борьбы за правое дело.

– За правое дело... – горько усмехнулся Дронго. – Тебе не кажется, что я для этого не совсем подхожу?

Славин поднялся, чтобы уйти.

– Извините меня, – сказал он на прощание, – я не хотел вас обидеть.

– Подожди, – мрачно остановил его Дронго, – сядь и не двигайся. Ты думаешь, что можно так просто прийти ко мне домой, рассказать мне об этой истории, напоследок высказать все, что ты думаешь обо мне, и уйти? Неужели ты не понимаешь, что я отказываюсь именно потому, что не хочу тебя разочаровывать? А если выяснится, что этот Тевзадзе действительно виноват? И все твои рассуждения ничего не стоят? И твоя проверка тоже была ошибочной? Что ты тогда скажешь?

– Что вы правы, – ответил Вячеслав, – я признаю, что был не прав. Но все равно буду защищать этого человека. Вы же знаете, что я обязан его защищать. Это моя профессия.

Дронго усмехнулся.

– Чему вы улыбаетесь? – не понял Славин.

– Мы коллеги, – объяснил Дронго, – я помню, как на юридическом факультете у меня был педагог, такой странный доцент. Он искренне считал, что адвокат, являющийся членом партии, не имеет права защищать насильников и убийц. Это противоречит Моральному кодексу строителей коммунизма. Он даже писал об этом во все инстанции, требуя запретить членам партии выступать в таких процессах.

Славин улыбнулся:

– Неужели правда?

– Да, – кивнул Дронго, – потом мой отец ему долго объяснял, в чем состоит долг адвоката. Но, похоже, доцент так и остался при своем мнении.

– Вы тоже так считаете? Там даже не хотят со мной разговаривать. Считают, что я защищаю убийцу, который не заслуживает никакого снисхождения. Они не понимают, как я мог согласиться туда приехать...

– Я тебя понимаю. И, судя по твоим словам, я могу стать твоим единственным союзником. Будем считать, что ты меня убедил. И знаешь, почему? Потому, что я обязан туда поехать. Хотя бы вместо твоего отца. И даже если у меня ничего не получится, то это тоже будет урок. Неплохой урок для тебя, Вячеслав.

– Я знал, – улыбнулся молодой человек, – я был уверен, что вы согласитесь мне помочь.

– Только не говори так, иначе передумаю, – пригрозил Дронго, – и давай начнем сначала. Расскажешь мне все еще раз. И я подумаю, как можно помочь твоему подзащитному, прежде чем мы с тобой завтра отправимся в Новгород.

Глава 3

В коридоре, где они ждали следователя, было довольно неудобно. Из открытой форточки дул холодный пронизывающий ветер. Нигде не было стульев, и им пришлось подождать двадцать минут, пока следователь Савеличев не вернулся в свой кабинет. Это был мужчина среднего роста, средних лет и средней, почти бесцветной наружности. Редкие, коротко остриженные волосы, глубоко посаженные глаза, прижатые к черепу уши, упрямый острый подбородок. Немного вздернутый нос, цепочка коричневых усов над верхней губой. Савеличеву шел тридцать девятый год. Он был уже советником юстиции, что приравнялось к званию подполковника в милиции. Ни для кого не было секретом, что Савеличев уже давно мечтал о следующей звездочке и новом повышении. Он был уверен, что вполне может работать прокурором в каком-нибудь районе или начальником отдела в областной прокуратуре. Внутренне он уже давно готов был к новым должностям. Он с нетерпением ожидал нового приказа о своем назначении.

Матвей Константинович Савеличев лично знал убитого полковника Проталина. И с самого первого момента, после того как ему поручили в прокуратуре расследование убийства полковника, он взялся за него с необыкновенным рвением, хорошо понимая, что это его единственный и, возможно, последний шанс отличиться по-настоящему. Получить новое повышение или должность прокурора в одном из районов области. Савеличев работал в прокуратуре уже полтора десятка лет. Он не верил в разные таинственные исчезновения, загадочные убийства и невероятные преступления. Он верил фактам, цифрам, документам, экспертным заключениям. Он был реалист и прагматик. Поэтому с первой секунды Савеличев был убежден, что Тевзадзе виноват, и не видел никаких смягчающих вину обстоятельств.

Упорное нежелание подозреваемого признаться в совершении убийства вызывало у него гнев и ненависть к Тевзадзе. Именно Савеличев распорядился посадить Тевзадзе к уголовникам. Именно он сделал все, чтобы дожать подозреваемого, превратив его в обвиняемого. И теперь готовился сдавать уголовное дело на подпись прокурору, чтобы затем передать его в суд. Прокурор обещал поставить свою подпись уже завтра вечером. Савеличев не сомневался, что Тевзадзе получит пожизненный срок и никогда больше не выйдет из тюрьмы. И даже не потому, что он был виновен в убийстве полковника Проталина. Третья судимость автоматически делала из обвиняемого настоящего рецидивиста, которому не было места в нормальном обществе.

Именно поэтому он так холодно относился к приехавшему из Москвы молодому адвокату, который пытался каким-то образом помешать завершению следствия, вносил различные несущественные ходатайства и даже придумал эту несерьезную игру в «детектор». Савеличев не возражал против испытаний подозреваемого, абсолютно убежденный, что виновность Тевзадзе будет доказана и научным путем. Когда выяснилось, что проверку «детектором» Тевзадзе прошел, Савеличев даже не рассердился. Он был уверен, что именно этот грузин застрелил полковника Проталина. И его не могли смутить результаты непонятной аппаратуры, испытанной в ФСБ. К тому же аппаратура не давала стопроцентной гарантии. Савеличев сразу заявил, что согласно процессуальному кодексу он не обязан принимать подобные «доказательства», и отказался приобщать к делу данные проверки Тевзадзе.

И теперь адвокат появился не один, а приехал из Москвы с каким-то неизвестным мужчиной, похожим на кавказца, который тоже терпеливо ждал появления следователя в коридоре. Савеличев, увидев обоих, сухо поздоровался и прошел в свой кабинет, приглашая адвоката и его спутника. Они вошли, уселись за небольшим столом. На следователе был серый, немного мешковатый костюм и темно-синий галстук местного производства.

– Это мой помощник, – представил Дронго Славин, – он приехал вместе со мной из Москвы.

– Я уже понял, – кивнул Савеличев, – только непонятно – зачем? Дело уже раскрыто, завтра его подпишет прокурор, и оно пойдет в суд. Все и так ясно. Вы можете привезти сюда даже пять помощников и экспертов, но от этого суть дела не изменится.

– Мне нужно получить ваше разрешение на посещение следственного изолятора, где находится мой подзащитный, – невозмутимо продолжал Славин, – прошу вас выписать разрешение мне и моему помощнику.

– Не понимаю, зачем вы так суетитесь, – пожал плечами следователь, – конечно, я дам вам разрешение на встречу с вашим клиентом. Но зачем там нужен помощник? Что он сможет сделать?

– Я прошу вас дать разрешение на нас двоих, – вежливо, но твердо заявил Славин, – согласно Уголовно-процессуальному кодексу вы не имеете права мне отказывать. А я имею право привлекать для разбирательства дела любых экспертов, консультантов или помощников.

– Привлекайте, – кивнул Савеличев, – мне уже все равно. Делайте что хотите, я все равно завтра подпишу обвинительное заключение у прокурора города и передам дело в суд. А там можете выступать, поражая своим красноречием судей. На этом моя стадия участия в уголовном процессе будет завершена.

– Он не убивал Проталина, – упрямо заявил Славин.

– Об этом мы тоже говорили. У вас своя точка зрения, а у меня своя. Но предположим, что я хочу с вами согласиться. Я говорю, только предположим. Тогда скажите мне, куда исчез неизвестный убийца? Растворился в воздухе? Где-то спрятался? Или это было самоубийство? Можете сколько угодно выдвигать нелепые и противоречащие друг другу версии. Но истина такова, что полковника Проталина мог застрелить только один человек. Ваню Тевзадзе. Что он и сделал, сознавшись в своем преступлении.

– Вы же знаете, как его заставили признаться, – покраснел Славин, – вы же все прекрасно понимаете.

– Это уже уголовное преступление, – почти ласково сообщил Савеличев, – я работаю в органах прокуратуры уже больше пятнадцати лет. И всегда работал честно, не нарушая законов. Сейчас вы обвиняете меня в том, что я выбил силой признание из вашего клиента. Обвинения достаточно серьезные. Если у вас есть доказательства, можете послать жалобу городскому прокурору. Или сразу в нашу областную прокуратуру. Но вы прекрасно понимаете, что будете выглядеть нелепо и смешно. Я и пальцем не трогал вашего клиента. И все свои признания он сделал добровольно.

– Под принуждением сотрудников уголовного розыска, – смело заявил Славин.

– Хочу вас предостеречь от подобного заявления, – строго сказал Савеличев, – не нужно обвинять людей, честно выполняющих свой долг. Преступник был схвачен на месте. Схвачен с оружием в руках, которое он отнял у своей жертвы. Все экспертизы были не в пользу вашего подопечного. И теперь вы хотите снова оттянуть передачу дела в суд, заявляя, что признание Тевзадзе было выбито силой. Но у меня есть его подпись под признанием. Предположим, что на него действительно давили и в суде он захочет отказаться от своих прежних показаний. Не без вашей помощи, разумеется. Но ему не поможет даже такой оборот. Судьи тоже не дураки, они понимают, почему обвиняемые иногда отказываются от своих показаний. Но факты все равно вещь довольно упрямая. Тевзадзе вошел в квартиру, где никого не было. И дважды выстрелил в полковника. Один выстрел оказался смертельным. Вот и вся история. Это как раз тот случай, когда у адвоката нет ни одного шанса выиграть судебный процесс. Или хотя бы добиться смягчения приговора. Я вас понимаю. Но вы назначенный адвокат и представляете себе, что с вас никто не спросит. После оглашения приговора вы спокойно вернетесь к себе в Москву и забудете об этом неприятном эпизоде. Возможно, вы еще успеете отличиться на громких про-

цессах, стать лучшим адвокатом Москвы и России. Но это не тот случай, когда можно отличиться. Здесь все просто и ясно.

– У него дочь должна выходить замуж. Уже подала заявление в загс, – в качестве последнего аргумента сказал Славин, – я же вам говорил. Не мог такой человек совершить убийство.

– Это не аргумент, – поморщился следователь, – почему не мог, если совершил? У меня в практике был случай, когда мужчина, узнав о том, что он стал отцом, всю ночь пил вместе с друзьями. А утром они убили человека. Вы скажете, что человек, только что ставший отцом, не сможет убить другого человека? Еще как сможет. Или убийца, дочь которого выходит замуж? Может, Тевзадзе был уверен, что сумеет убить Проталина и незаметно уйти. Все сложилось слишком плохо для него. Появление соседок в глухом дворе, неожиданно оказавшаяся на улице машина милиции. Он просто не успел сбежать. И поэтому попался.

– Простите, – вмешался Дронго, – насколько я знаю, когда раздались выстрелы, одна соседка побежала на улицу. А другая осталась у дома. Если бы Тевзадзе хотел сбежать, он бы сбежал. Ведь у оставшейся соседки были больные ноги и она не смогла бы его преследовать? А пока сотрудники милиции въехали во двор и поднялись в квартиру, прошло наверняка какое-то время, которого могло хватить Тевзадзе для побега. Даже если это было всего секунд тридцать или сорок. Хотя на самом деле, возможно, прошло от двух до трех минут. Учитывая, что двор там проходной, он мог бы попытаться сбежать.

– Он так и хотел сделать, – торжествуя сказал Савеличев, – но куда он мог сбежать, если под окнами стояла соседка, которая бы его запомнила. Возможно, он хотел пристрелить и ее, но просто не успел. Въезжала машина милиции, и он остался в квартире. Где его и задержали. Оружие валялось рядом, и на нем были отпечатки пальцев Тевзадзе. Вы знаете, можно упрямиться до какого-то предела и защищать свою позицию. Но не вопреки логике. Даже если вы адвокат. Понятно, что убить мог только Тевзадзе, и никто другой. А вы вдвоем можете вызывать к милосердию судей, рассказать о дочери обвиняемого, которая собирается замуж, о ее сложном положении, когда она останется сиротой без родителей, ведь ее мать умерла больше десяти лет назад. Возможно, что судьи учтут это обстоятельство, и Тевзадзе получит не пожизненное заключение, а лет двадцать или двадцать пять. Но я бы лично голосовал за пожизненное, хотя, повторяю, – приговор будет оглашен только в суде. А я всего лишь следователь, который закончил свое расследование. Вы, как его адвокат, имеете право ознакомиться с материалами дела. Больше ничем помочь вам я не могу. И не хочу, – добавил Савеличев, чуть подумав.

– Мы можем встретиться с Ваном Тевзадзе вместе с моим помощником? – уточнил Славин.

– Конечно, – кивнул следователь, – если у вашего помощника все документы оформлены как полагается, то никаких проблем. Можете встречаться вдвоем. Я не думаю, что такая встреча может повредить следствию. Скорее, напротив. Может, ваш помощник, который, кажется, лет на двадцать старше вас, убедит и вас, и вашего клиента в бесперспективности этого дела. Все равно весь город знает, что убийцей был Ван Тевзадзе. Я только провел необходимое расследование и закрепил все факты в обвинительном заключении.

– Вы работаете в прокуратуре уже столько лет, – задал Дронго последний вопрос, – неужели вы сами не чувствуете некоторую нестыковку? Зачем Тевзадзе убивать полковника Проталина? Он ведь не убийца. Он типичный «хозяйственник», или, как их раньше называли, «цеховик», который занимался налаживанием и сбытом коммерчески выгодной продукции в условиях социалистического рынка и всеобщего бардака. Вы ведь должны были еще застать таких людей в начале девяностых. Почему вы так уверены, что именно Тевзадзе мог совершить это убийство?

– У меня нет других подозреваемых, – ответил Савеличев, – и при всем своем желании я их не смогу найти. В квартире в момент убийства был только один человек. Ван Тевзадзе. Второй был убит. Экспертиза подтвердила, что смертельный выстрел был сделан почти в упор,

но это не самоубийство. Самоубийцы не стреляют, вытягивая свою руку, так не бывает. Или вы полагаете, что Проталин сначала выстрелил в стену, а потом застрелил себя? И после этого выбросил оружие, чтобы его нашел Тевзадзе? В такую дикую версию не поверит ни один суд. Тевзадзе – убийца, и с этим фактом уже ничего нельзя сделать.

– Но он был осведомителем полковника, – напомнил Славин.

– Об этом ни слова, – нахмурился следователь, – мы с вами с самого начала договорились, что не будем трогать эту тему. Иначе процесс придется объявить закрытым. Про агентуру и осведомителей говорить нельзя. Ни в суде, ни до него, ни после. Это секретная и закрытая информация...

– А в камеру, где сидел Тевзадзе, успели сообщить, и его избили до полусмерти, – зло заявил Славин. – Об этом вы тоже не знали?

– Сожалею, – отозвался Савеличев, – но вы знаете, как работает обыкновенная «тюремная почта». Там свои законы и свои методы передачи информации. Кто-то услышал, кто-то сообщил, кто-то проговорился, кто-то передал, кто-то узнал. Они часто узнают все подробности гораздо лучше нас. Возможно, произошла какая-то утечка информации в милиции. Не мне об этом судить. Но к нашему расследованию это не имеет никакого отношения. А лишь объясняет, почему Проталин и Тевзадзе должны были встречаться в этом доме. Поэтому мы не будем говорить на эту тему в суде, и прошу вас больше не поднимать эту закрытую тему.

– Но это объясняет, почему Тевзадзе пришел на встречу с полковником Проталиным, – возразил Славин, – иначе получается, что он пришел туда только для того, чтобы застрелить офицера милиции.

– Судьям мы постараемся изложить нашу версию, – сообщил следователь, – прокурор, поддерживающий обвинение в судебном процессе, будет в курсе происходящего. Это единственное, что я могу вам твердо пообещать.

Славин взглянул на Дронго. С таким следователем невозможно было договориться. Впрочем, другой, более благожелательный, тоже не стал бы выслушивать любые возражения. Слишком очевидной казалось вина обвиняемого.

– Можете сегодня с ним увидеться, – закончил следователь, – и постарайтесь вместе с ним побыстрее закончить ознакомление с обвинительным актом. Он не такой большой. Вполне можно закончить за три оставшихся дня. А потом мы передадим дело в суд. В конце концов, так будет лучше для всех. Вы вернетесь в Москву, он отправится в колонию, а дело будет закрыто.

– А если нам удастся доказать, что он невиновен, – спросил Славин, вставая, – если вдруг произойдет такое чудо? Вы не допускаете мысли, что вы можете ошибаться? Ведь его трижды проверяли на «детекторе»?

– Я не верю в чудеса, – сухо ответил Савеличев, – и вам не советую в них верить. Что касается вашего «аппарата», то я уже говорил, что он не считается абсолютно надежным, и при желании испытуемый может контролировать свое поведение. Что, возможно, произошло и в вашем случае. Это был последний шанс вашего подзащитного, и он его использовал. Но проверка была санкционирована руководством ФСБ без моего согласия. А я считаю, что результаты проверки не были абсолютно объективными и не могут считаться надежным доказательством. Поэтому и не приобщил их к делу. Насколько я знаю, вы обратились с протестом к городскому прокурору, и он вам тоже отказал. Извините, но я считаю наш разговор законченным. До свидания.

Он не подал им руки, лишь кивнув на прощание. Когда они вышли, Славин взглянул на Дронго:

– Что вы теперь скажете?

– Даже если у Тевзадзе был бы один шанс, то и тогда Савеличев не дал бы ему этого шанса, – ответил Дронго, – но, судя по всему, у этого обвиняемого пока нет и одного шанса из ста.

Глава 4

В следственный изолятор они приехали через полчаса. Дежурный долго и внимательно изучал документы обоих.

– Почему двое? – наконец спросил старший лейтенант. – У заключенного не может быть двух адвокатов.

– У заключенного может быть даже пять адвокатов, – терпеливо объяснил Славин, – столько, сколько он захочет. На адвокатов не может быть никаких ограничений. Ни на их количество, ни на их присутствие.

– Я не могу пропустить сразу двоих, – решил дежурный, – я сейчас вызову старшего, – он поднял трубку.

Через минуту к ним подошел молодой майор. Ему было не больше тридцати – тридцати пяти. Он внимательно выслушал дежурного, затем просмотрел документы.

– Где ваш паспорт? – спросил он Дронго. – У вас всего лишь удостоверение помощника адвоката. Этого недостаточно.

– У меня есть свой паспорт, – вмешался Славин, – а это мой помощник. Все документы оформлены в Московской коллегии адвокатов. И его удостоверение. Что вам еще нужно?

– Его паспорт, – потребовал майор.

– Для того чтобы войти в изолятор, достаточно удостоверения, – возражал Славин, – и у нас есть разрешение следователя, который ведет уголовное дело.

Майор нахмурился, задумался.

– Заходите по очереди, – предложил он, – нельзя заходить сразу двоим. Это неправильно.

– Он мой помощник, – напомнил Славин, – и я требую, чтобы меня пропустили на свидание к заключенному вместе с ним.

– Я бы к нему вообще никого не пускал, – неожиданно пробормотал майор. – И почему вы согласились его защищать? Я бы такого сразу расстрелял. Без суда и следствия. А ему адвоката присылают из Москвы. Да еще с помощником.

– Вы понимаете, что говорите? – забрал свои документы Славин. – Вы не имеете права так говорить. И не имеете права нас не пускать. Если обвиняемый и его адвокаты не ознакомятся с материалами дела до начала суда, его просто отложат. Получается, что вы сознательно затягиваете рассмотрение дела. Я сейчас позвоню прокурору. Или следователю.

– Не нужно никому звонить, – мрачно сказал майор, – проходите. Только учтите, что я обязательно доложу о вашем помощнике своему руководству.

– Докладывайте, – согласился Славин.

Они вошли в следственный изолятор, прошли металлоискатель.

– Сдайте ваши телефоны, – попросил майор.

– Мне всегда разрешали его проносить с собой, – возразил Славин.

– А сегодня нельзя, – отрезал майор, – и все металлические предметы тоже сдайте.

– Вам не кажется, что вы уже просто превышаете свои полномочия? – поинтересовался Славин. – И не имеете права требовать у нас наши телефоны.

– Тогда я вас не пропущу, – зло пообещал майор, – можете жаловаться.

– Возьмите наши телефоны, – предложил Дронго, сжимая локоть Славина. – Он ищет любой повод для скандала, – пояснил он Вячеславу, – не нужно спорить. В конце концов, он всегда может сказать, что нельзя проходить к заключенному именно сегодня. Объявить карантин или нечто в этом роде.

Славин отдал свой телефон, и они прошли дальше. В длинном коридоре было мрачно и темно. Им отвели последнюю комнату, в конце коридора. Дронго и Славин расположились на стульях в ожидании заключенного.

– Вот так всегда, – сказал Славин, – пользуются любой возможностью, чтобы меня унижить или оскорбить. Я лучше выйду узнаю, как они планируют организовать ознакомление с материалами дела. Нужно будет, чтобы Тевзадзе с ними знакомился и расписывался. Раньше это делали в прокуратуре, а сейчас, после создания нового следственного комитета, ничего не известно.

Он поднялся и вышел. Дронго остался один. Он увидел небольшую камеру, висевшую в углу, и усмехнулся. Конечно, по закону свидание заключенного с адвокатом должно проходить без свидетелей. И тем более без камеры, наблюдающей за ними. С другой стороны, руководство следственного изолятора всегда может объяснить это обстоятельство, мотивируя тем, что камеры установлены для помощи самим адвокатам, и они лишь наблюдают без включения звука. Что все равно будет нарушением. Но такие частности уже никого особенно не волнуют.

Дверь открылась, и вошедший сержант доложил, что привели заключенного. Дронго кивнул ему, разрешая ввести Тевзадзе. Сержант позвал заключенного. В комнату вошел мужчина среднего роста. Он был явно измучен, на лице были еще не зажившие ссадины. Пиджак и брюки на нем болтались, словно были взяты с чужого плеча. Он все время придерживал брюки, которые могли просто упасть. Дронго обратил внимание, что пуговицы на брюках были перешиты, чтобы они просто не упали без ремня. Темная рубашка была расстегнута. Он устало взглянул на Дронго, не высказывая удивления.

– Вы свободны, – разрешил сержанту Дронго.

Тот кивнул и вышел за дверь. Тевзадзе стоял у стола, глядя на незнакомца.

– Садитесь, – предложил Дронго.

Заключенный молча опустился на стул. Он даже не спросил – почему нет прежнего адвоката, кто сидит перед ним и почему его вызвали. Было видно, что ему все равно. Он достиг такой стадии усталости и опустошенности, что его уже ничто не могло удивить.

– Извините, что я не курю, – неожиданно сказал Дронго.

Тевзадзе изумленно взглянул на незнакомца, горько усмехнулся.

– Вы первый человек, который извиняется передо мной за последние три месяца, – признался он.

– Значит, попаду в историю, – пошутил Дронго.

– Кто вы такой? – спросил Тевзадзе. – Новый адвокат? А куда делся мой прежний? Такой хороший парень. Наверно, решил больше не заниматься моим делом. Ну и правильно. Зачем ему эти ненужные заботы. – По-русски он говорил хорошо, но с характерным грузинским акцентом.

– Нельзя так плохо думать о людях, Вано Ревазович, – укоризненно произнес Дронго, – адвокат Вячеслав Владимирович Славин решил, что ему понадобится помощник, чтобы разобраться во всех нюансах вашего запутанного дела. И привез меня с собой.

– Тогда вы помощник адвоката? – понял Тевзадзе.

– Да, – кивнул Дронго.

Заключенный неожиданно горько усмехнулся.

– Решили меня обмануть? – спросил он. – Неужели вы думаете, что я поверю? Я ведь работал на текстильных фабриках, отвечал за поставки сукна. Думаете, что я поверю? Это вы помощник адвоката? С вашим костюмом, который стоит гораздо больше тысячи долларов? Не смешите меня. Вы полковник или генерал и решили лично приехать сюда, чтобы поговорить со мной. Только не рассказывайте мне сказки про вашу должность. С таким разворотом плеч и с таким взглядом вы все еще помощник этого молодого человека?

В этот момент вошел Славин. Он взглянул на обоих.

– Будем знакомиться с материалами только после того, как их подпишет городской прокурор, – пояснил он, – и, наверно, в прокуратуре. И я вижу, что вы уже познакомились. Это господин Тевзадзе, а это мой помощник. Его обычно называют господин Дронго.

Славин прошел и уселся на стул рядом со своим «помощником». Тевзадзе покачал головой.

– Я думал, что вы проще. И чище. А вы устраиваете спектакль. Какой он помощник? Он может быть вашим руководителем. И, конечно, не адвокатом. С таким ростом и плечами. И в таком костюме.

– Ему не нравится мой костюм. Считает его слишком дорогим, – пояснил Дронго, – но тем не менее вы не правы, Ваню Ревазович, я действительно приехал в Новгород в качестве помощника вашего адвоката.

– Ладно, не будем спорить, – согласился Тевзадзе, – все равно уже ничего нельзя изменить. Вы, наверно, будете выяснять, как произошло убийство, почему я в него выстрелил. Я уже об этом много раз говорил. И подпишу все документы, чтобы поскорее состоялся суд. Что вам еще нужно?

Славин взглянул на камеру. Затем на своего подзащитного.

– Они говорят, что выключают камеру, когда вы встречаетесь со своими клиентами, – пояснил Тевзадзе, увидев его взгляд, – но вы можете им не верить. Они все равно следят за нами и даже слышат нас. Хотя, наверно, это запрещено. Но это общая практика. Нигде не доверяют адвокатам, которые встречаются со своими клиентами. Ни в России, ни в Грузии, ни в Америке, ни в Голландии.

– Но везде соблюдают законы, – возразил Славин.

– Какая разница? – пожал плечами Тевзадзе. – Все уже и так ясно. Даже если камера не включена. Я согласен подписать все документы, об этом я уже говорил.

– Но сначала вы уверяли всех, что не убивали Проталина, – напомнил Славин.

– Боялся, – равнодушно ответил Тевзадзе, – а потом понял, что лгал. Осознал свою вину, так сказать. И признался в убийстве. Что вам еще нужно?

– Но почему? Почему вы его убили? – спросил Славин.

– Мы с ним поспорили, – ответил Тевзадзе, – а я человек горячий, вспыльчивый. Пистолет лежал на столе. Я схватил его, мы начали бороться. Первый выстрел попал в стену. Потом я выстрелил в него. Следователь говорил, что это не умышленное убийство, а убийство в состоянии аффекта. Обещал, что отразит это в своем обвинительном заключении.

– Вам это не поможет, – возразил Славин, – вас могут даже по этой статье приговорить к двадцати или двадцати пяти годам. Вы не выйдете живым из тюрьмы. Ведь у вас будет уже третья судимость. Хотя он дает вам совсем другую статью. Убийство с отягчающими вину обстоятельствами. Но предположим даже, что суд решит переквалифицировать обвинение по другой статье. Предположим, что вам поверят и дадут другую статью. Все равно это будет судимость за убийство в состоянии аффекта. Полковника милиции. Вам могут дать пожизненное заключение. Как вы этого не понимаете?

– Меня это уже не касается, – твердо ответил Тевзадзе, – я совершил убийство и буду за это отвечать.

– Вы выхватили оружие из рук Проталина? – уточнил Дронго. – Неужели вы считаете, что никто не проверит ваши показания? Проталин был мастером спорта по самбо. Занимался дзюдо. А вы каким видом спорта занимались? И вы смогли выхватить у него оружие и даже застрелить его?

– Случайно, – ответил Тевзадзе, – иногда такое бывает. Везет слабым.

– Когда вы успели с ним поругаться? – не унимался Дронго. – Ведь соседки говорят, что выстрелы раздались почти сразу, как только вы вошли в дом. И вы успели за это время с ним поругаться, подраться и даже дважды в него выстрелить?

– Успел, – с каким-то внутренним ожесточением произнес Тевзадзе, – я все успел. Они слышали два выстрела, и я их слышал. А потом приехали сотрудники милиции, которые проверили весь дом. Но никого не нашли. Значит, я убийца, и все правильно.

Дронго переглянулся со Славиним.

– Предположим, что вы в него стреляли, – согласился Дронго, – но вам не кажется странным, что такой опытный человек мог убить полковника милиции из-за непонятной ссоры? Должны быть конкретные мотивы, более убедительные причины. Если даже вы поспорили. Из-за чего? Почему?

– Этого я вам не скажу.

– Вы были завербованы и работали как осведомитель? – спросил Дронго. – Ведь на вашем комбинате работают несколько бывших осужденных, уже отбывших свой срок. И наверняка в уголовном розыске интересовались их настроениями и взглядами.

– Вот что вас интересует, – Тевзадзе тяжело вздохнул. – На суде никто даже не вспомнит, что я работал на уголовный розыск. О таких вещах не разрешено говорить. Вы же сами все прекрасно понимаете. Но в камере, куда меня перевели, все каким-то «неведомым» мне образом узнали, что я был осведомителем милиции. «Стукачом», если говорить на блатном жаргоне. Меня отделали так, что сломали два ребра, отбили почки. Я еще две недели мочился кровью. Правда, спасибо уголовникам. Они оказались понимающими ребятами. Избить до полусмерти избили, но не стали насиловать. «Опустить» по-блатному. Иначе я стал бы просто отверженным, и моя жизнь в колонии превратилась бы в ад. Но сказался мой тюремный опыт. Они выяснили, что в колониях я вел себя достаточно нормально.

– Не ждите от меня поздравлений, – мрачно сказал Дронго, – значит, вы настаиваете, что застрелили полковника?

– Да, – ответил Тевзадзе, – настаиваю.

– И сделали это, даже зная, что ваша дочь подала заявление в загс? – спросил Дронго.

У Тевзадзе дрогнуло лицо. Словно упала маска, которую он упрямо носил. Он отвернулся.

– Не смейте, – глухо произнес он, – не смейте вспоминать о моей дочери. Она здесь ни при чем.

– Вы же умный человек, Вано Ревазович, – продолжал давить Дронго, – скажите мне: вы бы сами поверили, что человек, у которого единственная дочь собирается выйти замуж, совершает убийство за несколько недель до ее свадьбы? Особенно учитывая ее положение, ведь она выйдет замуж без отца и матери, фактически круглой сиротой.

– Хватит, – попросил Тевзадзе, – не нужно ничего говорить.

– Нужно, – зло заявил Дронго, – я приехал сюда не для того, чтобы выслушивать ваши дурацкие признания в убийстве. Даже если бы я был идиотом, то и тогда бы не поверил, что такой subtilный человек, как вы, смог одолеть полковника милиции и мастера спорта по самбо. Я уже не говорю про выдумку насчет пистолета, лежавшего на столе. Полковник милиции, прошедший Чечню и служивший столько лет в уголовном розыске, достает свое табельное оружие и кладет его на стол, ожидая своего осведомителя. Нужно совсем ничего не понимать в психологии людей, чтобы поверить в такого кретина-полковника. Не смейте меня перебивать, я еще не все сказал, – повысил он голос, увидев характерное движение заключенного, попытавшегося возразить.

Даже Славин с изумлением смотрел на сидевшего рядом Дронго, не понимая, что с ним происходит.

– Вас заставили дать такие показания, заставили признаться в убийстве полковника Проталина, – убежденно продолжал Дронго, – просто потому, что следователь и сотрудники милиции не захотели искать настоящего убийцу. Или не смогли его найти. А вы согласились после того, как вас припугнули, или «утрамбовали», говоря этим дурацким блатным жаргоном, который я терпеть не могу. И поэтому вы сидите передо мной со следами побоев на лице и равнодушно твердите, что вы его убили. Даже не пытайтесь понять, каким монстром вы выглядите.

Отцом, который до такой степени не думает о своей дочери, что готов испортить ее самый радостный день в жизни, превращая ее дальнейшую жизнь в большой кошмар.

– Не нужно, – попросил Тевзадзе, схватившись руками за лицо, – не нужно ничего говорить. Я больше так не могу. Не могу. – Он заплакал. Как иногда могут плакать мужчины, которым бывает очень больно.

Славин укоризненно покачал головой.

– Как вы так можете? – тихо прошептал он. – Нельзя так разговаривать с заключенным. Он может сегодня повеситься, и вы будете виноваты в его самоубийстве.

– Нет, – возразил Дронго, – он ничего не сделает. Он будет думать о своей дочери, и это придаст ему сил.

– Что вы от меня хотите? – убрал руки Тевзадзе. – Что вам еще нужно? Кто вы такой? Зачем вы пришли? Я ведь признался в убийстве. Пришли, чтобы поиздеваться надо мной, добить меня окончательно. Вам мало моего признания, хотите, чтобы я удавился в камере?

– Не хочу, – ответил Дронго, – это будет как раз проявлением ненужной слабости. И вы должны думать о своей дочери. Представляете, как ей будет тяжело, если она останется и без матери, и без отца?

– Она и так осталась без матери, – тяжело ответил Тевзадзе, – а сейчас останется и без отца. Господин адвокат прав. Живым отсюда я все равно не выйду. Что вам еще нужно?

– Хочу узнать правду. И не устраивайте истерик, – жестко заявил Дронго, – я не сентиментальная барышня, чтобы плакать вместе с вами. Либо вы мне верите и помогаете найти настоящего убийцу, либо вы идете в суд и получаете свой пожизненный срок как рецидивист, имеющий третью судимость. И даже если вы получите двадцать лет, то все равно отсюда не выйдете. И вы это прекрасно понимаете. Давайте сразу решать. Либо вы помогаете мне, а я помогаю вам. Либо я уезжаю отсюда прямо сейчас, и мы больше никогда не увидимся. Но только в тот момент, когда вы захотите принять решение, вспомните о вашей дочери. И подумайте, как тяжело ей будет всю оставшуюся жизнь считать отца убийцей. У вас могут быть внуки, и они тоже будут жить с этим клеймом отверженных... И никто не сможет рассказать им, что вы не были виноваты...

Тевзадзе всхлипнул.

– Меня все равно посадят... – сказал он уже другим тоном.

– Нужно попытаться бороться, – упрямо возразил Дронго, – поверить мне и попытаться что-то предпринять.

Тевзадзе молчал. Долго молчал. Затем наконец спросил:

– Кто вы такой? Я уже понял, что вы не адвокат. И не следователь. Иначе бы вы так со мной не разговаривали. Кто вы такой?

Дронго взглянул на камеру, установленную в углу. Тевзадзе уловил его взгляд, понимающе кивнул.

– Я всего лишь помощник адвоката, который приехал сюда, чтобы помочь вам, – ответил Дронго, – в конце концов, это долг каждого адвоката и его помощников – установить истину. Адвокаты не могут быть беспристрастными участниками любого судебного разбирательства в отличие от всех остальных – судей, прокуроров, следователей, экспертов. Адвокат обязан сделать все, чтобы защитить своего подзащитного и помочь найти истину. Я спрашиваю еще раз: вы готовы помочь самому себе?

Глава 5

Дронго и Славин напряженно ждали ответа. Было заметно, как волнуется Тевзадзе, как он размышляет. Затем он медленно кивнул.

– Вы оговорили себя? – строго спросил Дронго.

– Возможно, – тяжело вздохнул Тевзадзе, – поймите, что я ничего не хочу утверждать.

– Тогда давайте по порядку. Расскажите, что там на самом деле произошло.

Тевзадзе взглянул на камеру.

– Изложите свою возможную версию случившегося, – поправился Дронго.

– Да, конечно. Дело в том, что я работал с Проталиным уже несколько лет. Меня попросили о сотрудничестве, еще когда я устраивался на работу. Директор комбината знает меня по прежней работе, он работал раньше в Риге, а я занимался поставками туда продукции из Средней Азии. Он сразу согласился меня взять. Но через несколько месяцев меня вызвали в милицию и предложили сотрудничать. Проталин сразу объяснил, что иначе меня просто отсюда удалят и не дадут мне гражданства. Я ведь приехал сюда гражданином Грузии и подал заявление на получение российского гражданства. У меня все было законно: дочь родилась в Москве, и она была российской гражданкой. А я мог получить гражданство России как ее отец. Но Проталин сразу объяснил мне, что они просто меня выдворят и не разрешат мне здесь оставаться. Я долго колебался. Ведь я дважды сидел в колониях и знаю, как относятся к осведомителям. Но у меня просто не было другого выхода. Через пять месяцев я согласился.

– Вы получали деньги?

– Нет. Мне не платили. Я неплохо зарабатывал как заместитель директора. У меня остались прежние связи, знакомства. Я только рассказывал Проталину и его сотрудникам о настроениях наших работников, присматривал за ними. Один раз мы предотвратили возможный грабеж банка, когда я узнал, что сразу двое наших бывших осужденных готовят это преступление. Проталин был очень доволен.

Тевзадзе немного помолчал и продолжил:

– Все было нормально, до того дня. Мы обычно встречались один раз в две-три недели. Но в тот день у нас была обычная встреча. Меня строго предупреждали, что я не должен появляться там на своей машине. Поэтому я обычно ездил туда на автобусе. И в этот день опоздал минут на десять или пятнадцать. Быстро прошел во двор. Я очень торопился и прошел мимо двух женщин, чуть не сбив одну из них с ног. Извинился. Я знал, что эта женщина с тростью была соседкой по этажу.

Я вошел в дом и увидел, что у меня развязался шнурок на ботинке. Не люблю, когда болтаются шнурки. Помните, как у космонавта Гагарина, когда он идет после своего триумфального полета докладывать Хрущеву. И у него болтаются шнурки. Честное слово, я всегда думал о состоянии Гагарина, который не успел завязать шнурки. И чувствовал себя дискомфортно вместо него. Хотя, наверно, в такой день он мог об этом не думать. Я вошел в подъезд, на первый этаж нужно было подняться один лестничный пролет. И наклонился, чтобы завязать свои шнурки. Как раз в этот момент раздался какой-то шум. Мне показалось, что это был не выстрел, скорее что-то упало. Я поднял голову и подумал, что напрасно Проталин так шумит. Его могут услышать соседи. В этот момент раздался второй выстрел. Тут я испугался. Ведь о нашей встрече никто не должен был знать. И Проталин ждал именно меня. Поэтому я побежал вверх. У меня был свой ключ от квартиры. Я открыл дверь, вбежал в квартиру и сразу увидел лежавшего на полу полковника. Он был в крови и уже мертвый. На полу лежал пистолет. Не знаю, что со мной случилось. Возможно, я просто испугался или потерял вообще представление о том, что происходит. Я сразу схватил пистолет. Честное слово, я хотел даже защитить полковника от возможных нападений. Но рядом никого не было. Ни в этой комнате, ни во вто-

рой. Я наклонился, чтобы помочь Проталину, но он был уже мертв. Тогда я бросил пистолет на пол, перевернул тело. Но помочь полковнику я уже не мог. Как раз в этот момент, когда я стоял над телом погибшего, в квартиру ворвались сотрудники милиции. Я ведь не закрыл дверь, когда входил.

Они бросились ко мне с криками. Начали меня избивать. Я кричал, что не убивал полковника. Тогда они успокоились. Вызвали сотрудников уголовного розыска. Те тоже дали мне несколько пощечин. Потом начали методично проверять весь дом. Всех, кто в этот момент мог оказаться в доме. Проверили все три этажа, но никого не нашли. Пистолет сразу забрали на экспертизу, а меня взяли с собой. До вечера я просидел в дежурной части. А потом вошли еще трое сотрудников уголовного розыска и снова меня избили. На этот раз достаточно сильно. Они кричали, что на оружии нашли мои отпечатки.

Я ничего не понимал, кричал, что не убивал полковника. Потом меня перевели в одиночную камеру. Потом долго проверяли. И снова избивали. А затем меня перевели в камеру к местным блатным, где меня избили так, что я попал в больницу. Вот, собственно, и вся история.

– Вас заставили дать показания?

– Не совсем заставили, – вздохнул Тевзадзе, – просто популярно объяснили, что именно я должен делать. Если я откажусь подписать признание, то меня будут «прессовать» до тех пор, пока я не соглашусь. Ведь все факты против меня, и никто мне не верит. Моя дочь учится в институте, и ей уже предложили перевестись куда-нибудь в другой город. Ее жениху тоже объяснили, как нужно себя вести. Иначе у него будут неприятности. В общем, я долго не смог держаться. У меня не осталось никаких сил. Я не хотел больше попадать в камеру к уголовникам. Второй раз они бы меня так просто не отпустили.

– Я же вас столько раз просил рассказать мне обо всем. Почему вы молчали? – не выдержал Славин.

– Не верил, – признался Тевзадзе, – молодой вы очень. Не верил я, что вы сумеете что-то сделать. Вот ему поверил. Он человек опытный, ваш «помощник», сразу видно, что все понимает. И как с людьми разговаривать. И как себя вести. А вам не верил. Я ведь знал, что вас прислали из Москвы, все местные адвокаты отказались меня защищать. Поэтому и не верил. Думал, что вы просто приехали «отбывать свой номер». И сразу уедете, как только закончится этот судебный процесс. А следователь мне сразу объяснил, что оформит уголовное дело как «убийство в состоянии аффекта», но потом передумал. Решил, что его не поймут. Мне заключенные говорили, что следователь ждет нового назначения. Очень хочет стать прокурором. Вот поэтому он и поменял немного дело. Написал, что это было убийство сотягчающими вину обстоятельствами. Убийство офицера милиции при исполнении своего долга. Вы же знаете, что бывает за такие убийства. В бывшем Уголовном кодексе в Советском Союзе это была единственная статья, где давали либо расстрел, либо сразу пятнадцать лет. И во всем мире это самая страшная и расстрельная статья. Убийство офицера полиции во время исполнения им своего долга. В Америке сразу отправляют на электрический стул, в других странах гарантированно дают пожизненное. Правда, следователь указал, что мы спорили, и поэтому мне могут дать двадцать или двадцать пять лет. Но мне было уже все равно.

Он наконец замолчал. Отпустил голову, глядя на свои руки.

– Я подам еще одну жалобу прокурору, – не выдержал Славин.

– Нет, – возразил Дронго, – мы ничего не будем подавать. Никаких жалоб. Сначала проверим все факты.

– Проверяйте, – поднял голову Тевзадзе, – только у вас ничего не получится. Я человек верующий и понимаю, что меня бог решил наказать. Или дьявол, я точно не знаю. Сначала у меня жена умерла, а теперь такое дело. Наверно, грехи за мной числятся особые, хотя я всегда был нормальным «цеховиком». Никого, кроме Советской власти, не обманывал, не предавал.

Все, кто со мной тогда работал, знали, что на Вану Тевзадзе можно положиться. Мое слово было как долговая расписка.

И вот попал в такую беду. Только у вас ничего не получится. Там действительно никого не было. Я услышал два выстрела и сразу поднялся в квартиру. И дверь была рядом. Если бы кто-то вышел, я бы его увидел. Никто из квартиры не выходил. Я, когда забежал, обе комнаты проверил, туалет, ванную, кухню. И соседка эта с палкой своей стояла у окна, оттуда тоже никто не мог уйти. А другое окно вообще было заколочено. Не было там никого. Но я слышал два выстрела. И часто об этом думаю. Наверно, сам сатана решил меня испытать таким образом. Не мог убийца никуда уйти. Я даже предложил следователю проверить: может, там есть какой-нибудь подвал? Или проход под домом. Он только посмеялся надо мной. Нет там никакого подвала и никакого прохода. Он послал туда людей, и они все еще раз проверили. Нет и никогда не было.

– Но так не бывает, – мягко возразил Дронго, – вы должны понимать, что так просто не бывает. Никакой мистики. Ни бог, ни дьявол никогда не посылали убийц на землю, чтобы те расправлялись с полковниками милиции, а затем неожиданно исчезали, подставляя бедного грузина. Так просто не бывает, Вану Ревазович. Может, есть еще какой-то фактор, о котором вы забыли? Возможно, когда вы вбежали в квартиру и проверяли комнаты, убийца сумел незаметно выбежать из квартиры. Вы же сами говорите, что не закрыли дверь.

– Конечно, не закрыл. Я ведь хотел только посмотреть, что там происходит. Но в квартире никого, кроме Проталина, не было. А он был убит.

– Подождите, – прервал его Дронго, – у меня много было подобных случаев. Предположим, что полковника убили за несколько минут до вашего появления.

– Но я слышал выстрелы, – возразил Тевзадзе, – один потише, другой сильнее. Потом следователь сказал, что, когда пуля попадает в тело с близкого расстояния, выстрел может быть не такой сильный. Но я слышал выстрелы. И никто не выходил из квартиры. А когда я вбежал, пистолет лежал на полу рядом с погибшим Проталиным.

– Предположим, что вы слышали два выстрела, – согласился Дронго. – А если убийца сделал это, чтобы вас подставить? А сам ушел за несколько минут до вашего появления.

– Как он мог это сделать? – не понял Тевзадзе.

– Предположим, он записал на магнитофон звук двух выстрелов. Убил полковника и ушел, оставив магнитофон включенным. Вы услышали выстрелы, ворвались в квартиру и ничего не нашли. Такой вариант возможен?

– Нет, – ответил Тевзадзе, – там не было никакого магнитофона.

– Его спрятали, и вы не смогли его найти.

– Сотрудники милиции все проверили. Но там был еще и пистолет. Он дымился, когда я вбежал. Понимаете, убийца был там за несколько секунд до моего появления. Пистолет был еще теплый. Проталина убили буквально за несколько секунд до моего появления. Может, даже за секунду, пока я открывал дверь.

– Может, там есть камин?

– Нету там никого камина. И спрятаться нигде невозможно. Даже таких шкафов больших нет. В этой квартире никто не жил, только встречи там проходили. Там даже кровать такая старая была, металлическая. Сотрудники милиции иногда туда своих девочек водили, хотя это было запрещено.

– Может, там была женщина, и вы ее не увидели?

– Нет, – упрямо ответил Тевзадзе, – там никого не было.

– Вы делаете мою задачу просто невыполнимой. Я по-прежнему не верю в неизвестного убийцу, который мог исчезнуть или скрыться. У вас есть какое-нибудь логическое объяснение случившегося?

– Нет, – признался Тевзадзе, – я много над этим думал. Но ничего придумать не мог. Иногда я даже думаю, что, наверно, сам выстрелил в полковника Проталина, но просто забыл об этом, в таком неуравновешенном состоянии я был.

– Только не рассказывайте об этом еще раз следователю, – посоветовал Дронго, – иначе мы вообще не сможем вам помочь.

– Вы уже поняли, что помочь мне нельзя, – вздохнул Тевзадзе.

– Давайте еще раз, – предложил Дронго, – если внимательно проанализировать ваш рассказ, то выходит, что вы стояли на лестнице в тот момент, когда раздались выстрелы. То есть уже вошли в дом. И если бы убийца попытался после выстрелов выбежать из дома, вы бы его наверняка увидели. Верно?

– Да. Все так и было. Я наклонился, чтобы завязать шнурки. И никто из квартиры не выходил. Я в этом уверен.

– А если выстрелы раздавались из другой квартиры? Такой вариант возможен?

– Может быть, – немного подумав, ответил Тевзадзе, – но там ничего не нашли. И оттуда спустилась как раз та соседка, у которой была трость. А пистолет Проталина лежал на полу и еще дымился. Но самое главное, что две экспертизы доказали, что полковника убили именно из его пистолета. Я даже думал, что он сам себя убил, но был второй выстрел. И пуля попала в стену. Это тоже установили эксперты-баллисты.

– Они могли написать все, что угодно, – предположил Дронго, – лишь бы найти повод, чтобы обвинить вас и подогнать под убийство именно вас.

– Но я сам видел место от выстрела, – признался Тевзадзе, – как только наклонился над погибшим. Сразу увидел это место. Пуля в стене застряла. Потом ее оттуда достали и все точно проверили. Пуля была выпущена из пистолета Проталина.

Славин взглянул на Дронго.

– Я вас предупреждал, – напомнил он, – ничего невозможно понять.

– В последний раз, – предложил Дронго. – А теперь еще раз вспомните, Ваню Ревазович, может, там кто-то был. Может, даже не мужчина, возможно, женщина. И вы, проявляя свое благородство, просто не хотите нам об этом говорить. Может, Проталин был не один?

– Он был один, и там не было никаких женщин, – выдохнул Тевзадзе, – и если даже там были, то они не смогли бы никуда сбежать или спрятаться. Предположим, что я не увидел убийцу или каким-то образом не заметил, куда он спрятался. Но там потом появились сотрудники милиции. Человек восемь или десять. И они очень тщательно обыскали весь дом. И никого не нашли. Проверили даже пустую соседнюю квартиру. Проверили все, даже эту несчастную соседку, которая стояла у дома с тростью. Ее трость тоже проверили. И все равно ничего не нашли.

Тевзадзе снова отпустил голову.

– Хватит, – попросил он, – вы уже поняли, что там никого не было. Но я все равно не убивал. Честное слово, я его не убивал.

Дронго взглянул на Славина.

– Нужно уходить, – предложил он, – и скажите, чтобы ему вызвали врача. Пусть ему сделают укол. Чтобы он сегодня поспал и немного успокоился.

– Я попрошу. Но не уверен, что они согласятся, – шепотом ответил Славин.

Дронго поднялся. Подошел к заключенному. Взглянул на него сверху вниз. И протянул ему руку.

– Я постараюсь проверить все ваши показания, – сказал он.

– Вы мне верите? – удивился Тевзадзе.

– Я привык верить людям, – ответил Дронго, – и немного собственной интуиции.

Заклученный протянул ему руку. Они обменялись крепким рукопожатием.

– На вашем месте я бы не поверил ни одному моему слову и сразу уехал бы в Москву, – честно признался Тевзадзе.

– Именно поэтому я и не уеду, – ответил Дронго, – я привык поступать не так, как все остальные. До свидания. И думайте больше о своей дочери. Это лучше, чем рассуждать о том, почему бог решил вас оставить. Может, наоборот, он послал вам это испытание, чтобы проверить силу вашего духа. Об этом тоже подумайте.

Славин кивнул на прощание заключенному и вызвал сержанта. Тевзадзе ушел, не сказав больше ни слова. После того как увели заключенного, они вышли в коридор.

– Что вы об этом думаете? – спросил Вячеслав, когда они проходили по коридору.

– Не знаю, – ответил Дронго, – но, возможно, ты прав. Если он действительно убил полковника, значит, мне нужно срочно менять свою профессию. А если не он, то поверить в мистику. Но ни к тому, ни к другому я не готов. Значит, будем работать. Ты все-таки заставил меня остаться в этом городе.

Глава 6

Гостиница «Звезда» находилась недалеко от следственного изолятора, в котором содержался заключенный Тевзадзе. Это было бывшее общежитие, переделанное в гостиницу. На четырех этажах размещалось около двадцати номеров, мрачноватых и сыроватых, но довольно опрятных и чистых. Здесь останавливались обычно бизнесмены средней руки и чиновники, прибывающие в город. В гостинице работали буфет и ресторан, которые были открыты до одиннадцати часов вечера. Дронго и Славин поужинали в ресторане картофельным пюре и сосисками. Славин заказал себе пива и спросил своего напарника, что он будет пить.

– Воду, – ответил Дронго, – воду без газа.

– Здесь неплохое пиво, – заметил Славин. – Из Санкт-Петербурга. Может, попробуете?

– Я вообще не пью пива, – пояснил Дронго, – и избегаю алкоголя. Иногда в самолете позволяю себе немного водки с томатным соком, чтобы расслабиться. Или пью хорошее красное вино. Могу выпить текилу. Одну или две рюмки. Но большие порции спиртного могут надолго вывести меня из состояния равновесия.

– Ясно, – улыбнулся Вячеслав, – а мне было даже неудобно, что такой известный человек, как вы, будет ужинать со мной в этом ресторане.

– Нормальный ресторан, – заметил Дронго, – а пюре с сосисками напоминает детство. У нас такие обеды давали в школе. Или в пионерских лагерях. Поэтому не дергайся. Я гурман и знаю почти все рестораны, имеющие три звезды Мишлена в Европе. Я даже обедал у мсье Жирарду – самого известного шеф-повара, который возглавляет ресторан в местечке Крисье, в Швейцарии. К нему записываются на месяцы вперед. Но, если нужно, я могу поужинать и всухомятку. Или вообще питаться консервами. Я человек неприхотливый, но, когда требуется, и гурман.

– Убедили, – рассмеялся Славин, – тогда я спокоен. Нам заказаны два отдельных номера, хотя отель далеко не пятизвездочный.

– И в этом тоже нет ничего ужасного, – возразил Дронго, – я уже поднимался в свой номер. Чистый, аккуратный, свежая постель, нормальная ванная комната. Жить можно. Телевизор работает. И давай договоримся, что ты не будешь из-за этого комплексовать.

– Я хотел заказать номер в другом отеле.

– Знаю. В более дорогом. Ты думаешь, мне не известно, сколько платят адвокатам, которых отправляют в подобные командировки? Ты ведь прикрепленный адвокат, и Тевзадзе не обязан тебе платить. Поэтому будем жить здесь, и не смей ничего предпринимать, чтобы переехать в другой отель. Мне удобно и здесь. Теперь давай продумаем наш план на завтра. Мне нужно обязательно побывать на месте, где произошло убийство. Первый пункт... – Славин достал блокнот и начал записывать, – мне нужно будет поехать на мебельный комбинат и побеседовать с людьми, с которыми работал Тевзадзе. С директором обязательно. Это второй пункт.

Теперь еще один момент. Мне нужно будет встретиться и с коллегами Проталина, поговорить с ними. Хотя понимаю, что сделать это будет достаточно сложно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.